

II. Сеньорита Мёнье

Сеньорита Мёнье была одной из моих учениц. Это была богатая дама без семьи, большая любительница путешествий, которая изучала испанский язык, для того чтобы осуществить путешествие в Испанию.

Убежденная католичка, она рьяно и скрупулезно соблюдала все религиозные обряды, для нее религия и мораль были одним и тем же, а неверие, или безбожие, как говорят верующие, было очевидным симптомом аморальности, распутства и преступности.

Она ненавидела революционеров, с одним и тем же бессознательным и необдуманным чувством смешивала в одну кучу все проявления народной безграмотности, обусловленные в числе прочего необразованностью и социальным положением, и со злобой вспоминала, как в Париже во времена Коммуны, когда она шла в церковь с мамой, ее оскорбляли уличные сорванцы.

Наивная и располагающая к себе, она всегда без колебаний высказывала свои безоговорочные мнения, почти абсолютно не принимая во внимание прецеденты, детали и последствия, и у меня много раз был шанс деликатно указать ей на ошибки в ее суждениях.

В наших частых разговорах я воздерживался от прямого изложения собственных убеждений, и она видела во мне не приверженца или сектанта противоположной веры, а скорее рассудительного мыслителя, с которым ей очень нравилось спорить.

Она сформировала обо мне такое хорошее мнение, что из-за своего одиночества, лишенная личной жизни, она удостоила меня своей дружбы и полного доверия, пригласив сопровождать ее во всех ее путешествиях.

Я принял приглашение, и мы отправились в путешествие по разным странам, в ходе которого она испытала глубокое разочарование, когда благодаря моему поведению и нашим с ней разговорам ей пришлось признать, что не все неверующие люди являются развратниками и не все атеисты являются бесчувственными преступниками, в то время как я, убежденный атеист, стал для нее живым примером человека, противоположного тому образу, который подсказывали ей религиозные предрассудки.

Она считала мою доброту исключительной, вспоминая о том, что говорится об исключениях, подтверждающих правила; но перед лицом моих последовательных и логичных рассуждений она должна была принять очевидные факты; и хотя ее уважение к религии оставляло у нее сомнения, она согласилась со мной, что рациональное обучение и научное образование бережет детей от ошибок, придает людям необходимую доброту и реорганизует общество в соответствии с принципами справедливости.

Ее искренне впечатлила мысль о том, что она могла бы быть в таком же положении, что и те оборванцы, которые оскорбляли ее, если бы она выросла в тех же условиях, что и они. Точно так же из-за своих предрассудков о врожденности идей она не могла удовлетворительно разрешить проблему, которую я перед ней поставил: если представить себе детей, выросших вне всякого контакта с религией, что знали бы они о боге, вступая в возраст совершеннолетия?

Настал момент, когда мне показалось, что мы теряем время, если от слов не перейдем к делам. Разделять идеи о возрождении человечества и при этом вести пассивную, безразличную, растительную жизнь, обладая, благодаря несовершенству общественной организации и случайностям рождения, важными привилегиями, было все равно, что видеть другого человека в опасности и не протягивать ему руки спасения. Поэтому однажды я сказал сеньорите Мёнье:

— Сеньорита, мы подошли к такой точке, на которой было бы правильно определиться, как нам искать новые ориентиры. Мир нуждается в нас, ждет нашей поддержки, и, по совести, мы не можем отказать ему в ней. Мне кажется, что употреблять на удобства и удовольствия те средства, которые формируют часть общечеловеческого наследия, и которые могут послужить для основания полезного учреждения, исправляющего нравы, является мошенничеством, а это не считается правильным ни в концепциях верующих, ни в концепциях вольнодумцев. Поэтому, я объявляю Вам, что Вы больше не можете рассчитывать на меня в Ваших последующих путешествиях. Я в долгу перед своими идеями и перед человечеством и думаю, что и Вы, в первую очередь, после того, как Вы сменили свою старую веру на рациональные убеждения, должны чувствовать такой же долг.

Это решение удивило ее, но она признала мою правоту и, без дальнейших побуждений, движимая исключительно своей природной добротой и здравым смыслом, она щедро выделила средства, необходимые для создания на деле учреждения рационального обучения — Современной школы, которую я уже создал до этого в своей голове.

Что бы ни выдумывали злые языки по этому поводу с тех пор, как мне пришлось подвергнуться судебным допросам, все это является полнейшей клеветой.

Высказывалось предположение, что я обладал над сеньоритой Мёнье определенной властью, которой пользовался в эгоистических целях; такое предположение, которое может оскорбить меня, пятнает память этой достойной и уважаемой сеньориты и не соответствует истине.

Со своей стороны, я не должен оправдываться. Я вверяю суровому суждению бесстрастных судей свое оправдание, заключающееся в моих действиях и в моей жизни; но сеньорита Мёнье заслуживает уважения людей, обладающих чистой совестью, свободных от догматичной и сектантской тирании, тех, кто порвал с ошибками, тех, кто не подчиняет свет рассудка теням веры, а достоинство и гордость свободы — низкой угодливости подчинения.

Она была исполнена искренней веры: ее с детства приучили доверять и подчиняться иерархической корпорации под названием Церковь, претендующей на роль посредника

между созданием и создателем, со всеми ее таинствами и догмами, и она совершенно спокойно жила с этой верой.

Услышав мои мнения, размышления и советы, но не в качестве прямых указаний, а в качестве естественных ответов на ее прозелитические намерения, она поняла, благодаря логике, что, когда она ставит веру выше разума, ее слабые суждения уступают силе моих логических умозаключений.

Меня нельзя считать дьяволом-искусителем, ведь всякий раз, когда она пыталась атаковать мои убеждения, ей приходилось признать свое поражение в борьбе между верой и собственным рассудком, пробудившимся благодаря усилиям, благодаря опрометчивому желанию отрицать убеждения оппонента, противоположные ее вере, и попыткам переубедить его.

В своей наивной искренности она пришла к тому, что простила тех оборванцев Коммуны как бедных и необразованных детей, которых превратили в потенциальных преступников и нарушителей общественного порядка их лишения, а также привилегии других, не менее закоснелых нарушителей общественных законов, тех, кто, в противоположность этим несчастным, могут жить, не делая ничего полезного, эксплуатируя необразованность и нищету, пользуясь несметными богатствами и претендуя, благодаря отправлению ритуальных церемоний и благотворительности, на вечное обладание земными наслаждениями и в потустороннем мире.

Награда за легкие добродетели и наказание за несмываемые грехи заставили взбунтоваться ее сознание и охладили ее религиозный пыл, и, вкуче с желанием разорвать атавистическую цепь, столь сильно затруднявшую любые обновления, подвигли ее на искупительную деятельность, которая давала бы детям возможность естественного воспитания в условиях использования без малейшей растраты всего груза знаний, которые человечество добыло благодаря труду, изучению, наблюдению и методичности поколений всех времен и народов.

Таким образом, она решила, что через работу бесконечной мудрости, скрытой от нашего разума оболочкой тайны, или благодаря человеческим знаниям, добытым через страдания, противоречия и сомнения, — будь что будет, — но она сможет сделать вклад, пожертвовав часть своих богатств на необыкновенно высокое дело, и это послужит ее личному удовлетворению и успокоит ее совесть.

Версия #1

Зверобой создал 24 мая 2025 00:46:40

Зверобой обновил 24 мая 2025 00:46:54